

Святые имена Семена Липкина

ПОЭЗИЯ

— Ваш поэтический дебют затянулся. Вы не жалеете об этом?

— Когда был моложе — жалел. Нас было четверо: Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский, Мария Петровых и я. Группа называлась «Квадрига». Я написал о «Квадриге» такие строки:

*Среди шутов, среди шутих,
Разбойных, даровитых, пресных,
Нас было четверо иных,
Нас было четверо безвестных.*

Совсем недавно вышел сборник Штейнберга. Он умер, так и не дождавшись своей первой книги. Тарковский, я и Петровых издались очень поздно. Особенно болезненно переживал это Тарковский. Он даже написал стихи о Сталине, но наверху они не понравились. Противно, но приходится признать, что такое было... Я издал первую книгу в 1967 году. Мне было пятьдесят шесть лет. И то ее обкорнали, сократили в пять раз...

— Нынешние поэты не поймут вас. Ведь сегодня так просто издать книжку стихов. Заплатил — и никаких переживаний. И наутро ты — поэт.

— Когда вышла моя первая книжка «Очевидец», было много откликов в прессе. А сейчас стихи часто просто не замечают... Но ведь в демократической стране поэт не может быть больше, чем поэт. Если он больше, чем поэт, неизвестно, поэт ли он вообще. Одним из самых любимых и популярных поэтов до революции был Надсон. Противопоставляя себя государственной власти, он писал: «Верь, настанет пора и погибнет Ваал, и вернется на землю любовь». То есть намекал на то, что Ваал, страшный вавилонский идол, еще не погиб, любовь еще не вернулась. Теперь стало ясно, что Надсон — третьестепенный поэт.

— Получается, миф о поэте важнее, чем его жизнь и стихи. Широкая публика запомнила имя Иосифа Бродского прежде, чем прочитала его стихи.

— Это не миф, а жизнь, продиктованная его поэзией. В то время в Ленинграде было много хороших поэтов. Но с ними ничего не произошло. Они жили, печатались. А Бродский был другим. Его поезд шел не по тем рельсам, которые проложила для поэтов советская власть. У него, по крайней мере в то время, не было стихов против существующего строя. Не было критики этого строя. Почему же ему выпала такая судьба? Почему его судили? Он законов не нарушал. Он нарушил понимание поэзии коммунистическим государством. Так что и тут поэзия и жизнь связаны.

— Назовите любимых, наиболее важных для вас поэтов.

— Державин, Батюшков, Жуковский, Пушкин, Тютчев, Баратынский, Лермонтов, Фет, Некрасов, Случевский... Это имена для меня святые.

— Деятнадцатый век для вас важнее двадцатого?

— Конечно. Деятнадцатый век — золотой, а двадцатый — серебряный. Но в двадцатом были тоже великие поэты. Если по алфавиту: Анненский, Ахматова, Блок, Бунин, Мандельштам, Пастернак, Ходасевич.

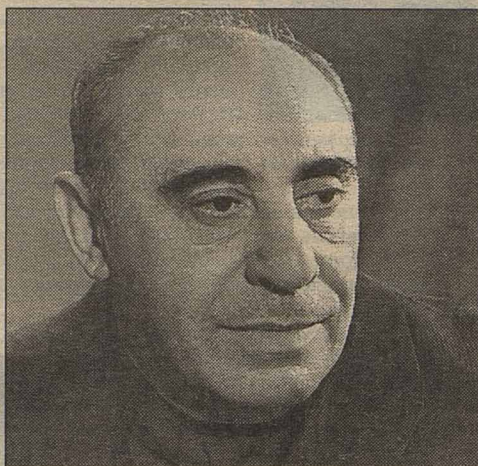
— Маяковского вы пропускаете?

— Пропускаю. Были великие, но не было гениев. В России было три гения: Пушкин, Тютчев и Лермонтов. А поэты двадцатого, которых я перечислил, были бы великими и в девятнадцатом.

— На наших глазах уходит еще одна эпоха русской поэзии. Может быть, она уже закончилась — со смертью Бродского. Какой вы видите наступающую?

Мы беседуем с Семеном Израилевичем Липкиным накануне его восьмидесяти шестого дня рождения.

Липкин — замечательный поэт, переводчик и прозаик, отмеченный Пушкинской премией «за вклад в русскую литературу». Широкая известность пришла к нему поздно. Цеховая — гораздо раньше. Но такой известностью можно было гордиться.

Семен Липкин

— Поэзия, вероятно, может развиваться лишь как поэзия, а не как любимица власти или отдушина для людей, противостоящих ей. Прогнозы здесь абсолютно бессмысленны.

— Какие ощущения вызывает у вас современная поэзия?

— Есть поэты, которых я считаю яркими и талантливыми. Я бы назвал Чухонцева, Кублановского, Рейна, Лиснянскую, Кушнера... Из более молодых — Ивана Жданова, Елену Шварц, Эллу Крылову.

— Я знаю, что вы и сами по-прежнему много пишете. На днях в издательстве «Чаро» вышла книга «Посох», объединившая ваши довоенные стихи со стихами этого года.

— Я начал писать в раннем детстве. И не писать мне трудно. Я не знаю, физический это процесс или духовный, но писание стихов — это и есть я.

— Вы — русский поэт, иудей по вероисповеданию, переводчик восточной поэзии. Человек нескольких культурных традиций. Как они уживаются в вас?

— Я приехал в Москву в двадцать девятом году. Мне не было и восемнадцати. И меня стали печатать лучшие журналы. Но вскоре ситуация изменилась, меня перестали печатать, и я был вынужден переводить. Я еще не знал, что это станет большой частью моей жизни. Больше всего я любил переводить народный эпос. Первая моя работа в этой области — «Джангар», калмыцкий эпос. Я даже стал народным поэтом Калмыкии. Когда я немного изучил языки и смог переводить без подстрочника, меня стал волновать национальный менталитет, понимание наций бытия, Бога, жизни. Человек смотрит на мир так, как начал смотреть в детстве. А я вырос в многонациональной Одессе и с детства был религиозен. У нас были и православные храмы, и католические, и синагоги, и армянская церковь. Советская

власть пришла в Одессу, когда мне было десять лет. До этого были разные власти, но эта религия подавляла. Я не был ни пионером, ни комсомольцем — я этого всего терпеть не мог. И так получилось, что несколько мальчиков и девочек разных конфессий подружились на том основании, что они веруют в Бога. Мы не спорили, какая религия лучше. Наоборот — мы были очень сплочены. Среди нас были мальчик-армянин, девочка-армянка, девочка-католичка, два мальчика православных, девочка православная и два еврея. Вот такая компания. Сейчас это трудно себе представить, но тогда такое было возможно...

— Как вам удалось пронести эти детские ощущения через всю жизнь? Неужели не приходилось ничем поступаться?

— Поступаться, конечно, приходилось. Но в мелочах. Приходилось переводить стихи национальных поэтов, которые воспевали и Ленина, и Сталина. Но я считаю, что этот грех в большей степени на совести автора, а не переводчика.

— Связано ли ваше ощущение общности религий с тем, что Мандельштам называл «тоской по мировой культуре»?

— Думаю, да. Сам Мандельштам считал себя человеком христианской цивилизации. Но он не был христианином, хотя и принял лютеранство. Надежда Яковлевна все время подчеркивала, что он перешел в христианство идейно, но в действительности он принял христианство для того, чтобы поступить в университет, при этом духовно ощущал себя евреем. В отличие от Пастернака, кстати. Мандельштаму просто не нравилось то, что его семья была отгорожена от русской культуры, которую он высоко ценил. Но в то же время он имел полное право написать про себя: «Среди священников леви́том молодым...». Отчуждения от еврейства у него не было. Если, конечно, не понимать еврейство только как быт.

— Сейчас много пишут о мощной экспансии американской культуры в страны Старого Света, в том числе и в Россию. Американские ценности наднациональны и демократичны. Может быть, будущее за ними?

— Об этом трудно судить. Имперский Рим владел огромными территориями. Тем не менее легионеры привозили чужих богов в свой пантеон. Кто на кого повлиял сильнее? Были ли Катулл, Гораций, Овидий поэтами для варваров: галлов, германцев, саксов? Вряд ли.

— Но в конце концов стали.

— Стали единицы и лишь благодаря таланту, а не культурной экспансии. Должно пройти много времени, прежде чем станет ясно, кто чего стоит.

— Переосмыслению со временем подвергается не только литература, но и отечественная история. И война с Германией кажется порой такой же далекой, как война двенадцатого года. Снимаются фильмы, пишутся книги в несколько отстраненной, голливудской манере. Думаю, вы, как человек, прошедший всю войну в действующей армии, не можете относиться к этому безразлично.

— Мне это не кажется девальвацией. Вопрос в том, насколько талантливо написана вещь на историческую тему. Художественная правда и историческая должны идти рука об руку. Вот и все.